

ВВЕДЕНИЕ

Вильгельм Дильтей, высказывавшийся обыкновенно весьма категорично о доромантическом периоде истории гуманитарных наук, написал в самом начале «Введения в науки о духе», что если до начала XVIII в. науки об обществе и истории оставались под пятой у метафизики, то уже с середины этого же столетия они попали в столь же безысходное рабство к естественным наукам¹. Доисторический период в жизни наук о духе продолжался долго: пробудить «от догматического сна» историографию смогло лишь появление «исторической школы»², а герменевтику — разумеется, Шлейермахер³. В такой трактовке те науки XVI—XVII вв., которые мы бы сейчас назвали гуманитарными, занимают место инертного, консервативного знания, развитие которого лишь следовало смене эпох в истории науки и, само по себе, не было способно инициировать парадигмальные трансформации в новоевропейской науке и философии.

Скептицизм Дильтея стал отправной точкой размышлений о том, как следует писать историю наук о человеке в раннее Новое время. Введение «абсолютной дистанции» между «доисторическим» и «историческим» периодом существования Geisteswissenschaften рождало бесчисленное множество вопросов. Возможно ли писать историю этих наук по образцу истории наук естественных⁴? Правоммерно ли говорить об интервенции естественнонаучного метода в сферу наук о человеке в раннее Новое время, и каков масштаб этой интервенции⁵? Должны ли мы обращаться исключительно к герме-

¹ Дильтей В. Введение в науки о духе // *Его же*. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. I / Пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270.

² Там же.

³ Дильтей В. Возникновение герменевтики // *Его же*. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. IV / Пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 79.

⁴ Гадамер Г.-Г. Риторика и герменевтика // *Его же*. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 203—206.

⁵ Thouard D. Einleitung. Die Folgen der Philologisierung / Philologie als Wissensmodell / La Philologie comme Modèle de Savoir / Hg. von D. Thouard, F. Vollhardt, F. Zini. Göttingen: Walter De Gruyter, 2010. S. 8—9.

невтической и историографической практике, минуя теоретические построения ранненовременных авторов, и каков статус этих теоретических построений? Как возможна теория в гуманитарных науках этого времени? Как строятся в раннее Новое время отношения между философией, риторикой и «наукой»?

Именно в раннее Новое время проблема статуса гуманитарного знания оказывается неразрывно связана с проблемой *метода*. Главное, что авторы хотели показать самой композицией книги, — то, что в ранненовременной гуманитарной литературе формируются два несводимых друг к другу способа *рассуждений о методе*.

Один из этих способов — принципиально атеоретический, возникающий всегда а *contrario* как отрицание любой нормативности: неважно, поэтологической, этической или риторической, — способ, релятивизирующий любую возможную интерпретацию. «Рассуждения о методе» этого рода таковы, что в них менее всего можно усмотреть какой бы то ни было метод — чтобы увидеть признаки этого жанра, скажем, в сочинениях Макиавелли, понадобилось не одно столетие. Семантика базовых категорий у авторов-«прагматиков» столь широка, что заставляет поколения исследователей состязаться в апофатике. *Virtù* Макиавелли — это *не* мудрость правителя, *не* медицинский термин, *не* удачливость особого рода и *не* артистизм⁶ — и, в то же время, все это вместе. *Veritas* Валлы — *не* субъективная и *не* объективная истина, *не* этическая относительность и *не* предвосхищение философии обыденного языка — и все же в каждой из этих версий есть своя *veritas*⁷. Категория «метода» в историографии, которую в исследовательской литературе принято называть *реалистической* или *прагматической*, — столь же неуловимая и всеобъемлющая. Проблема упорядочения и систематизации материала в «прагматической историографии» выходит на первый план не в силу некоего «логического императива» или эпистемологической потребности в непогрешимом инструменте исследования. Именно поэтому аргумент скептиков, оперировавших теоретическими аргументами, таких, как Варфоломей Кекерманн, не достигает цели. Историография этого жанра практиковала перформативный подход к истории. «Метод легкого познания истории» для этих авторов состоит в том, чтобы превратить историю в инструмент действия: это, прежде всего, ме-

⁶ См. с. 66—70 наст. изд.

⁷ См. с. 42—45, 113 и 117 наст. изд.

тод эффективного ориентирования в актуальной действительности, метод создания сценариев оперативного принятия решений. В историографической практике вырабатывались и опробовались различные конструкции объяснения социального и политического действия: недаром писали исторические труды и Макиавелли, и Гвиччардини, а «Шесть книг о республике» Бодена, столь ценившиеся Гоббсом, были фактически переработкой его «Метода легкого познания истории». Вот почему в текстах, подобных трактату Бодена, метод оказывается почти неотличим от экономии повествования и внутренней логики самого материала, и только значительные герменевтические усилия исследователей могут вообще сделать его заметным. Истина, понимаемая как совпадение с действительностью, отождествляется с действием — разумеется, действием политическим.

Впрочем, у этой «нетеоретической» историографии XVI—XVII вв. были, разумеется, задачи и поскромнее. Расцвет книгопечатания, интенсивность научной коммуникации, ожесточенность политических, научных и богословских дискуссий в ранненовоязычной Европе вызвали к жизни настоящую индустрию массовой справочной литературы. И здесь идея методической организации знания оказалась как нельзя более к месту: открытый Эразмом Роттердамским и популяризованный Филиппом Меланхтоном и Петром Рамусом метод «общих мест» (*loci communes*) превратился в универсальную схему упорядочения любого научного содержания. Одним из наиболее значительных следствий бурного распространения литературы «общих мест» стала, по мнению многих исследователей, трансформация структуры новоязычного научного мышления. Экспансия пространственной метафоры в трактатах этого жанра, дихотомическое строение науки, пристрастие к классификациям и схемам можно считать одной из предпосылок геометризации картины мира и появления «пространственного воображаемого» (*spatial imagery*) в научном мышлении Модерна⁸.

Однако бок о бок с этими практиками-экспериментаторами работали кабинетные мыслители — строители грандиозных систем, на которые так богата эпоха барокко. Для них проблема исторического ме-

⁸ *Ong W.J.* Ramus, Method, and the Decay of Dialogue: From the Art of Discourse to the Art of Reason. Chicago: The Chicago University Press, 2004 (1958); *Moss A.* Printed Common-Place Books and the Structuring of Renaissance Thought. Oxford: Oxford University Press, 1996; *Randall J.H.* The School of Padua and the Emergence of Modern Science (*Saggi e Testi I*). Padua, 1961. P. 63.

тогда представляет собой всего лишь логическую апорию науки о *res singularis*⁹; даже когда они говорят о практике, речь идет всего лишь о соответствующем разделе философии. Как аристотелевская эпистемология, так и картезианская модель метода не содержали в себе логически обоснованных условий возможности для возникновения автономных, стоящих на собственном методологическом фундаменте наук о человеке. Даже беглый обзор схоластических общих мест, относящихся к истории, может показать, насколько безнадежным было ее положение в тесных границах аристотелевской эпистемологии: «Если рассказам историков и можно верить, познать их невозможно» (*historialia etsi credantur, non intelliguntur*); «о единичном не может быть науки» (*de singularibus non est scientia*), «наука может быть только об общем» (*scientia est de universalibus*), «история — это описание без доказательства» (*descriptio sine demonstratione*). Высказывания об истории Декарта достаточно хорошо известны, чтобы приводить их здесь.

Поэтому центральный вопрос второго раздела книги — как возможен гуманитарный метод в раннее Новое время? В условиях, когда не было и не могло быть теоретических социальных наук, таких, как социология, политология или экономика, источниками метода для истории могли быть только логика или риторика. Риторика как метод историописания была дискредитирована дважды. Впервые — еще в лоне гуманистической культуры, вознесшей ее на недосягаемую высоту: это произошло, когда Лоренцо Валла в полемике с Бартоломео Фацио и Франческо ди Поджо Браччолини выступил против отождествления исторической истины с риторической нормативностью. Инвективы Валлы против адептов *storia illustre* породили в риторической историографии внутренние противоречия, с которыми она так и не смогла справиться¹⁰. Второй раз, уже окончательно, — в эпоху Просвещения, когда было сочтено, что «свободная достоверность» риторики размывает идеал строгой «объясняющей» науки¹¹. Логика действительно, по крайней мере, дважды триумфаль-

⁹ Неокантианское различие индивидуализирующего метода наук о культуре и генерализирующего — наук о природе как двух «логических функций разума» (П. Риккерт) возобновляет древний «неразрешенный и неразрешимый спор», инициированный именно этой апорией.

¹⁰ См. о дискуссии о вымышленных речах на с. 117–119 наст. изд.

¹¹ For the dominant Enlightenment investigations, rhetoric lacked explanatory power (*Struener N. S. Rhetoric, Modality, Modernity. Chicago: The University of Chicago Press, 2009. P. 10*).

но вступает на территорию гуманитарного знания: сначала в концепции логического метода в истории Варфоломея Кекерманна, а затем в проекте «логической герменевтики» Конрада Генриха Даннхауэра и Иоганна Клауберга. Однако обе эти попытки «выйти за померий аристотелевской логики, прибавив к ней еще один город» (говоря словами Даннхауэра), оказались чреватые выхолащиванием собственного содержания этих дисциплин. История в концепции Кекерманна — пассивный материал, субстрат логического метода, а теория интерпретации у Даннхауэра — сколок с аристотелевской герменевтики, эклектический конгломерат многократно опробованных техник работы с текстом¹². Новые возможности для гуманитарных наук открылись после того, как были изменены границы дисциплин, утвердившиеся еще в схоластическом *currículum*'е, и из синтеза риторики и логики возникла гуманистическая диалектика. К середине XVII столетия благодаря идее «универсального метода» и «системы дисциплин» история и герменевтика были интегрированы во «всеобъемлющее поле знания» (*koninuiertliches wissenschaftliches Feld*, по выражению В. Шмидта-Биггеманна), однако вопрос о «собственном методе» этих дисциплин оставался открытым.

Впервые этот вопрос применительно к историографии поставил Ж. Боден, но получил от аристотеликов суровую отповедь. Гуманитарная эпистемология в подлинном смысле этого слова родилась тогда, когда в социальном мире были найдены свои собственные «универсалии», константные величины «мира гражданственности». Предвосхищение максим *sensus communis* мы находим еще в «естественной диалектике» Петра Рамуса, но превращение истории в «метафизический горизонт, общий для всех людей», было, безусловно, заслугой Джамбаттисты Вико¹³.

Отношения гуманитарных и естественных наук в раннее Новое время, точно так же как отношения гуманитарных наук и метафизики, не могут мыслиться по модели механической рецепции или интервенции. Прежде всего потому, что в научной литературе этого времени дисциплины и проблемные поля, которые для нововременного научного мышления представляются радикально несоизмеримыми и лежа-

¹² О *hermeneutica generalis* Даннхауэра см.: *Szuj R. Historische Studien zur Interpretationsmethodologie der frühen Neuzeit. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1997. S. 112–124.*

¹³ *Sabeta A. Giambattista Vico. Metafisica e storia. R.: Edizioni Studium-Roma, 2011. P. 95.*

щими в разных плоскостях, образуют непрерывный континуум. Уже в начале 1980-х гг. после «открытия» Р. Вестфаллом богословских и исторических рукописей Ньютона вопрос о вкладе гуманитарных дисциплин в событие Научной Революции вполне естественным образом оказался на повестке дня¹⁴. На наш взгляд, правильное всего было бы описать отношения между гуманитарными и естественными науками как взаимное «узнавание». Так, проблема предельной достоверности была столь же актуальна в протестантской герменевтике, как и в картезианской философии, и в каждой из этих сфер имела свое решение. Вот почему, когда Лодевейк Мейер решился перейти границу этих двух сфер, создав «картезианскую герменевтику», он «опознал» в методе Декарта уже знакомые ему категории и аргументативные структуры. Проблема возможности «тонкого доказательства» наряду с доказательством «геометрическим» была предвосхищена в науках о тексте задолго до философии Паскаля — поэтому Спиноза так легко задействует аргумент против *esprit de finesse* для доказательства невозможности рациональной герменевтики. Сходным образом, некоторые базовые понятия натурфилософского языка Исаака Ньютона и язык его экзегезы обнаруживают удивительную близость¹⁵. Категориальный аппарат философии и естественных наук зачастую выступает своего рода несобственным языком гуманитарных дисциплин. Язык метафизики и точных наук в историографии и герменевтике функционирует очень специфическим образом — как своего рода «риторика достоверности» (М. Мамиани), цель которой — создать у читателя «эффект узнавания».

Наша книга завершается подборкой текстов XVI—XVII вв., в которых затрагиваются вопросы как о методе наук в целом, так и о методе истории. Собранные и переведенные нами тексты — очень разной важности и сложности, поэтому и объемы, и подробность комментариев разнятся от текста к тексту. Мы намеренно включили в «Приложения» не только фрагменты трудов тех авторов, о которых идет речь

¹⁴ Westfall R. S. *Never at Rest: a Biography of Isaac Newton*. Cambridge, 1983.

¹⁵ См. об этом: Mamiiani M. *Introduzione. La scienza esatta delle profezie // Newton I. Trattato sull'Apocalisse*. Torino: Bollati Boringheri, 1994. P. VII—XLIV; Popkin R. H. *Newton as Bible Scholar // Essays on Contest, Nature and Influence of Isaac Newton's Theology* / Eds. J. E. Force, R. H. Popkin. Dordrecht; Kluwer, 1990; *Id. Newton's Biblical Theology and his Theological Physics // Newton's scientific and philosophical legacy* / Eds. P. B. Scheurer, G. Debrock. Dordrecht: Kluwer, 1988. P. 81—97.

в основных разделах книги, но и сочинения, над которыми читателю предлагается поразмыслить самостоятельно.

Разумеется, в этом — первом — томе мы не могли претендовать на то, чтобы охватить все богатство литературы раннего Нового времени, посвященной проблеме метода в гуманитарной сфере. В настоящем издании мы сосредоточили свои усилия на науках об истории и тексте — разделах знания, которые в раннее Новое время были так тесно связаны, что не всегда представляется возможным отделить их друг от друга. В дальнейшем мы предполагаем рассмотреть теоретический статус других наук о практическом мире в раннее Новое время. Предметом исследования станут, прежде всего, полемика о методе в юриспруденции и проекты «возведения в ранг науки» политики — такие, как «политическая архитектоника» Иоганна Николаса Херциуса и «*ius publicum universale*» Германа Конринга. Мы надеемся, что коллектив участников наших следующих проектов, посвященных исследованиям метода и достоверности в гуманитарных науках раннего Нового времени, пополнится читателями этой книги.